

Грибещенко О. А.

О НЕКОТОРЫХ НАБЛЮДЕНИЯХ НАД УПОТРЕБЛЕНИЕМ ГЛАГОЛЬНЫХ СКАЗУЕМЫХ В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ПОЛУПРЕДИКАТИВНЫМИ КОНСТРУКЦИЯМИ В ФУНКЦИИ ТЕМПОРАЛЬНЫХ РАСПРОСТРАНИТЕЛЕЙ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-1/29.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. I. С. 76-80. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

M. A. Woloschin	47,4% (474)	26% (260)	26,6% (266)	100% (1000)
durchschnittliche Kennziffer für russisch-sprechende Autoren	40,94% (4094)	32,37% (3237)	26,69% (2669)	100% (10000)
G. Benn	45,8% (458)	35,3% (353)	18,9% (189)	100% (1000)
P. Boldt	41,2% (412)	26,1% (261)	32,7% (327)	100% (1000)
R. Dehmel	44,4% (444)	36,4% (364)	19,2% (192)	100% (1000)
S. George	29,4% (294)	42,4% (424)	28,2% (282)	100% (1000)
F. Gundolf	44,8% (448)	32,1% (321)	23,1% (231)	100% (1000)
H. von Hofmannsthal	36,8% (368)	37,4% (374)	25,8% (258)	100% (1000)
A. Holz	37,7% (377)	35,1% (351)	27,2% (272)	100% (1000)
R. M. Rilke	23,2% (232)	59,3% (593)	17,5% (175)	100% (1000)
P. Scheerbart	44,1% (441)	29,8% (298)	26,1% (261)	100% (1000)
G. Trakl	49,1% (491)	18,8% (188)	32,1% (321)	100% (1000)
durchschnittliche Kennziffer für deutsch-sprechende Autoren	39,65% (3965)	35,27% (3527)	25,08% (2508)	100% (10000)

Entsprechend den Daten, die wir im Laufe der Untersuchung der aktualisierten kleinen syntaktischen Einheiten bekommen haben, sind in den Texten jeder Sprachperson gleichzeitig sowohl die Marker des introvertierten / extravertierten, als auch des in bezug auf die Dichotomie neutralen Sprechbenehmens anwesend. Dabei dominiert immer entweder das introvertierte oder extravertierte Sprechbenehmen und nie das neutrale Sprechbenehmen. Für jeden Autor haben wir die dominierenden Pole der Dichotomie „das introvertierte / extravertierte Sprechbenehmen“ bestimmt. In der Übereinstimmung mit den dominierenden Polen wurden die Autoren in zwei Gruppen geteilt: die Autoren mit dem dominierenden introvertierten Sprechbenehmen und die Autoren mit dem dominierenden extravertierten Sprechbenehmen. Zu der ersten Gruppe, d.h., zu den Autoren mit dem dominierenden introvertierten Sprechbenehmen, gehören dementsprechend sieben russischsprachende Autoren (I. F. Annenskij, M. A. Woloschin, A. Blok, K. D. Balmont, A. Belyj, W. J. Brüsow und W. S. Solowjew) und sieben deutschsprachende Autoren (G. Trakl, G. Benn, F. Gundolf, R. Dehmel, P. Boldt, P. Scheerbart und A. Holz). Das introvertierte Sprechbenehmen dieser Autoren weist darauf, dass im ihrem Bewusstsein die Welt der Auffassungen herrscht, und demonstriert die Neigung zu der Auswertung der Erfahrungen (K. Leongard) und die Orientierung auf die Ideen, die während der langen Überlegungen entwickelt waren (K. G. Jung). Zu der zweiten Gruppe, d.h., zu den Autoren mit dem dominierenden extravertierten Sprechbenehmen gehören drei russischsprachende Autoren (D. S. Mereshkowskij, W. I. Ivanow, F. K. Sologub) und drei deutschsprachende Autoren (R. M. Rilke, S. George, H. von Hofmannsthal). Das extravertierte Sprechbenehmen dieser Autoren zeugt, dass im ihrem Bewusstsein die Welt der Wahrnehmungen herrscht, dass sie auf die konkreten Tatsachen orientiert und im Vergleich zu den Autoren mit dem introvertierten Sprechbenehmen mehr impulsiv sind (K. Leongard).

Für die russisch- und deutschsprachenden Autoren der analysierten Texte ist durchschnittlich das dominierende introvertierte Sprechbenehmen kennzeichnend (die durchschnittliche Kennziffer des introvertierten Sprechbenehmens für die russischsprachenden Autoren - 40,94%, für die deutschsprachenden Autoren - 39,65%).

Es stellte sich fest, dass die durchschnittlichen Kennziffer der Aktualisierung der Dichotomie „das introvertierte / extravertierte Sprechbenehmen“ sehr nah liegen (vergleichen Sie die Differenz der durchschnittlichen Kennziffern der Aktualisierung des introvertierten Sprechbenehmens von den russisch- und deutschsprachenden Autoren - 1,29%; des extravertierten Sprechbenehmens - 2,9%; des neutralen Sprechbenehmens - 1,61%), es bedeutet, dass ihre Aktualisierung für die Träger der russischen oder deutschen Sprache universell ist und dass sie die Hauptdichotomie bei der Bestimmung des universellen Modells der Sprachperson ist.

О НЕКОТОРЫХ НАБЛЮДЕНИЯХ НАД УПОТРЕБЛЕНИЕМ ГЛАГОЛЬНЫХ СКАЗУЕМЫХ В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ПОЛУПРЕДИКАТИВНЫМИ КОНСТРУКЦИЯМИ В ФУНКЦИИ ТЕМПОРАЛЬНЫХ РАСПРОСТРАНИТЕЛЕЙ

Грибещенко О. А.

Ростовский государственный строительный университет

В настоящее время внимание лингвистов привлекает вопрос, связанный с употреблением так называемых детерминирующих членов предложения (Н. Ю. Шведова, В. П. Малащенко, Г. Н. Манаенко, Е. Н. Клеменова, О. В. Акентьева и др.), распространяющих предикативную основу предложения.

В качестве темпорального распространителя в предложении могут выступать наречия, предложно-падежные конструкции с семантикой времени, придаточные детерминантные предложения в СПП, а также деепричастия.

При изучении осложненного предложения представляют интерес семантика и особенности употребления деепричастий. С семантической точки зрения любое предложение с деепричастным оборотом представляет собой семантически сложное предложение, «... «двухбазовые», так как глагол является семантическим предикатом» [Прияткина 1990: 9].

Пропозиция в таких предложениях может быть выражена с помощью деепричастия, одиночного или с зависимыми словоформами [Чиркун 1984: 52].

По отношению к главному действию в предложении полупредикативная конструкция может обозначать действие, предшествующее первому или одновременное с ним.

В любом случае, как заметил В. С. Храковский, синтаксические отношения между главным действием и полупредикативной конструкцией строятся на отношении зависимого таксиса [Храковский 2002: 276].

В глагольных предложениях с такими темпоральными распространителями связь между предикативной основой и полупредикативной конструкцией характеризуется большой ослабленностью, что свидетельствует об относительной независимости деепричастия в смысловом и грамматическом отношении.

По результатам наблюдений при передаче одновременности событий часто используются высказывания с предикатами в главной части определенной лексико-семантической принадлежности. Частым является употребление глаголов физического действия (*лечь, действовать, питаться...*) и глаголов речи и мышления (*предупреждать, утверждать, восклицать, задумываться*): *Тюремное следственное время, лечь, скользит по памяти и не оставляет заметных и резких следов*. (В. Шаламов. Левый берег). *Люди, гуляя по улицам, покупают подарки* (Е. Андреева. Колумбийские впечатления // Новый мир. № 8. 2003.)

В данной статье нас интересуют деепричастия, выступающие в роли обстоятельства времени. Д. И. Арбатский заметил, что обычно такие деепричастия поясняются существительными с временным значением [Арбатский 1980: 114]: *Анализируя жизнь, мы всегда анализируем воспоминания, зафиксированные в той или иной форме* (М. Веллер. Кассандра).

В данном примере *жизнь* представляет собой лексему со значением определенного отрезка времени.

Иногда, совершая поступок, человек задумывается только о том, насколько этот поступок отразится на его внутреннем мире, и совершенно не думает о том, как заденет другого человека (И. Сакай. Руководство к жизни // Такие дела. № 2. 2004. Февраль).

В некоторых предложениях с деепричастиями субъект, благодаря деепричастию, описывает свое психологическое состояние, передает свои эмоции, выражает свое отношение к кому-либо или чему-либо [Савина 1994: 60-62]: *Ярцев, посвистывая, подошел к нему и взял его под руку* (А. П. Чехов. Три года). *Чувствуя слабость и пустоту в голове, он пошел к себе в кабинет, лег на диван и накрыл лицо платком, чтобы не надо едали мухи* (А. П. Чехов. Дуэль).

В пределах одного предложения деепричастия способны объединяться в группы детерминантов с квалификаторами другого уровня. Например: В 1929 году *Сталин, приступая к коллективизации, утверждает Академию сельскохозяйственных наук...* (А. Ланщиков. Ищу собеседника).

В высказываниях с предикатом лексико-семантической группы глаголов мышления активно реализуются приставочные глаголы, образованные от глагола «помнить»: *вспоминать, запоминать*, а также высока частотность употребления глагола *задумываться*. Например: *Припомнила она все, не жалея себя, и теперь, задыхаясь от стыда, была бы рада надавать себе пощечин* (А. П. Чехов. Несчастье). *Я бегло, проходя через двор, припомнил все свои преступления* (М. Булгаков. Записки на манжетах). *Запахи мы, пропуская, запоминаем, как стихи, как человеческие лица* (В. Шаламов. Левый берег).

Активно реализуют в текстах свои формулы сочетаемости глаголы речи, мысли, восприятия: *Жизнь спуска, одинокий без любимой, не зная, прожил он свою судьбу или чужую, он признается рассказчику...* (М. Веллер. Все о жизни). *Иван Авросимов, будучи провинциалом, никогда не предполагал, что fortuna так смилостивится над ним...* (Б. Окуджава. Бедный Авросимов).

Античная философия познавала мир, пользуясь обычными словами и не теряя здравого смысла (М. Веллер. Все о жизни). *Многие, общаясь, думали, что Иван Иванович только строг, и страшно его боялись* (М. Пришвин. Корабельная чаша).

Глаголы эмоционального отношения к чему-либо (*дорожить, позволять, гармонизировать, трепещать, иронизировать, любить, надеяться, отталкивать*) активно сочетаются с деепричастным оборотом: *Русский человек, живя с другими людьми, не любит быть свидетелем на суде* (В. Шаламов. Левый берег). *Этими суждениями Достоевского, абсолютно соглашаясь с ними, Степанян дорожит, много раз их цитирует, видимо боясь, что невнимательный читатель что-то важное пропустит* (Новый мир. № 5. 2006. В. Туниманов. «Цепь и надежда»: пророческое искусство Достоевского). *И с отвращением читая жизнь мою, я трепещу и проклинаю...* (Новый мир. № 11. 2006. И. Сурат. Три века русской поэзии).

Глаголы других лексико-семантических групп также выступают в высказывании в роли предикатов. Ср. примеры с глаголами бытия следующих подгрупп: *возникновения: воссоздать, начинать, создать; превращения: превращать, превращаться; исчезновения объекта: лопаться, усваиваться, снижать, растворяться; собственно бытия: жить*. Например: *Животные, перемещаясь, мгновенно превращают ту же энергию в механическую температуру своего тела в тепловую* (М. Веллер. Кассандра). *Перечитывая «Преступление и наказание», Дудков находит подтверждение своим интуициям о рациональном, головном импульсе Достоевской романтики* (О. Мраморнов. Литературный критик Игорь Дудков по его дневникам // Новый мир. № 4. 2006). *При смешивании с водой пузырьки лопаются, смачивая мельчайшие частицы пыли* (И. Кононов. Путешествие на Луну // Гео. № 6. 2006. Июнь). *Чеховский дядя Ваня живет жизнь, делая, в сущности, только одно довольно обычное дело - он спасает усадьбу* (В. Маканин. Ракурс // Новый мир. № 1. 2004).

Наиболее продуктивны глагольные предикаты *ждать* и *сидеть*:

Бывает, сидишь на перилах, тихонько раскачиваясь. (С. Довлатов. Чемодан). *Словно недоучившийся студент периферийного вуза попал на лекцию столичной знаменитости: и вот сидит, приоткрыв рот, внимая всему, что бы тот не изрек* (Е. Щеглова. Человек страдающий // Вопросы литературы. № 6. 2001). *Я, понимая все, жду тебя ровно в восемь* (Э. Радзинский. Чуть-чуть о женщине). *Уповая на Ваше великодушие и благородство, с нетерпением жду встречи...* (Б. Окуджава. Бедный Авросимов).

Интересно, что при употреблении предиката в настоящем времени с деепричастным оборотом, указывающим на одновременность осуществления обоих действий, глаголы движения составляют незначительную часть. Например: *Представьте - в Ленинграде ходит такой огромный толстый дядя, сильно шатаясь...* (С. Довлатов. Выступления. Интервью).

Глаголы восприятия и зрения немногочисленны, представлены словоформами *познавать, видеть*: *Через себя человек, взрослая в мире, распирая его боками в соприкосновениях, познает мир, его законы и устройство...* (М. Веллер. Все о жизни). *Напуганные недавними гонениями на Достоевского литературоведы, видя антибуржуазные мотивы, главным образом, в этом обнаруживают спасительный реализм* (В. Туниманов. «Цепь и надежда»: пророческое искусство Достоевского // Новый мир. № 5. 2006). *Первую человек видит из окна вагона, вырываясь из города, когда едет наконец туда, навстречу своим «Эдемским играм»* (И. Василькова. Эдемские игры // Новый мир. № 7. 2006).

В некоторых предложениях одна и та же глагольная словоформа способна выступать и в роли предиката, и в роли сопутствующего действия. См.: *Отталкивая пассивно-материальную часть себя, отталкивая мертвую душу в себе, он все-таки отталкивает себя самого* (В. Бирюков. Сплин // Новый мир. № 3. 2006).

В таком случае происходит не только синтаксическое осложнение предложения, но и его семантическая модификация, возникает ощущение градации действия.

Интересно, что высказывания с полупредикативными конструкциями располагают богатыми возможностями синонимических преобразований (трансформаций, вариаций), «заменом одних предикативизирующих средств другими как в пределах простого предложения, так и с выходом в структуру сложного предложения» [Золотова 1995: 103]. Например: *Проходя в курилку, слышал, как красноармеец тосковал...* (М. Булгаков. Записки на манжетах).

Проходил в курилку и слышал...; когда проходил в курилку, слышал...; проходивший в курилку, слышал, как...

При описании совпадения ситуаций в предложениях с полупредикативной конструкцией типичным является употребление глагольного сказуемого в форме совершенного вида. Чаще всего предикат передает события прошлого. В таком случае в предложении в «контакт» с деепричастием вступают глагольные сказуемые разных лексико-семантических групп. Глаголы движения в функции предиката являются самой многочисленной группой, обладающей большими потенциальными возможностями для сочетаемости с деепричастным оборотом. Выделены следующие глаголы: *прийти, заглянуть (=прийти), пойти, дойти, приехать, заглянуть (зайти)*. Например: *В июне 1926 года, выполняя поручение Махатм, Рерихи: Елена Ивановна... приехали в Москву*. (В. Сидоров. Против течения). *Ярцев, посвистывая, подошел к нему и взял его под руку* (А. П. Чехов. Три года). *Поднимаясь по Сейму, дошли мы до крутых холмов* (В. Астафьев. И все цветы живые).

В предложениях с полупредикативными конструкциями могут быть предикаты, выраженные глаголами восприятия, речи, движения, бытия (возникновения, исчезновения, пребывания). См.: *Однажды, войдя к себе на кухню, я увидел по телевизору факельное шествие...* (Ф. Искандер. Попытка понять человека). *Как мог, он выразил ее на своем языке, может быть, досадуя, что не хватает сил на большее* (Т. Толстая. Кысь). *Часов в 9 вечера, уже собираясь кончить день, я заглянул к тебе, чтобы удостовериться, не задремал ли ты* (А. Штейнберг. Дорогая моя Сонюлочка. Письма к покойной жене // Новый мир. № 1. 2006). *Готовясь к II Мировой войне, Сталин уничтожил почти весь командный состав своей армии* (М. Веллер. Все о жизни). *Так и не понимая, я заснул* (В. Кулябко. Блокадный дневник // Нева. № 1. 2004).

Особого внимания заслуживают конструкции с двувидовым глаголом в роли сказуемого. В таких предложениях деепричастие в форме несовершенного вида активизирует в значении глагольного предиката сему завершенности, выраженную формой совершенного вида: *Класс крупных собственников, борясь за себя, мобилизовал средства и силы, которых не было у государства* (М. Веллер. Кассандра).

Наблюдения показывают, что один и тот же деепричастный оборот способен сочетаться с глагольными предикатами разных лексико-семантических групп: *Уходя, я бросила ему последний взгляд, и он в ответ застенчиво улыбнулся* (С. Котелова. Женская история // Гламур. Август. 2006). *Уходя, я сказала какую-то несвойственную мне старушечью фразу...* (Л. Эльяшева. Мы уходим, мы остаемся // Нева. № 1. 2004).

В сложных предложениях, например, СПП с придаточным времени, деепричастный оборот реализует свою возможность вступать в связь с придаточным времени, детерминантом более высокого ранга, служащим для полупредикативного распространителя предикатом: *Когда Алиса, бродя по волшебному лесу, вдруг вышла на разветвление дорог, она замерла в нерешительности* (И. Сакай. Руководство к жизни // Такие дела. № 2. Февраль. 2004).

Редки случаи осложнения деепричастий придаточной частью СПП: *Не ожидая, когда ее хлестнут и погонят, коняга отошла в сторону и принялась выстригать из мятых кустов переросший пырей...* (В. Астафьев. Старая лошадь).

Интересно, что глагольные предикаты в форме несовершенного вида имеют иную лексико-семантическую принадлежность, а, следовательно, сочетаемостные потенции. Распространенным является употребление глаголов воздействия: *Здесь, работая над архивом Рерихов, я по крупицам собирал и систематизировал сведения о контактах с Белым братством и Шамбалой* (В. Сидоров. Против течения). *Меня кувшинчик на дудочку, лукавый старичок вольно или невольно вводил девочку во искушение* (М. Горелик. Детское чтение // Новый мир. № 2. 2006). *Побивая рекорды друг перед другом, они ухаживали за женщиной*

ми, независимо от их социального положения (Н. Елисеев. Прогулки с Пастернаком // Новый мир. № 4. 2006).

Подобные предикаты обычно представляют собой переходные глаголы, указывающие какие-либо манипуляции с объектами.

Возможно употребление в роли сказуемых глаголов, в семантике которых действие и воздействие заключены в самом производителе действия: *Мимо проплывали темные окна, кое-где свет пробивался, знаменуя, что жизнь идет своим чередом, снисходя и давая им отдышаться* (Б. Окуджава. Бедный Авросимов). *Одну из бесед Ванга разрешила записать на магнитофон. Потом чуть ли не целый день мы возились с аппаратом, расшифровывая пленку* (В. Сидоров. Людмила и Вангелия).

Замечено, что в некоторых случаях предикат с - ся распространяется деепричастным оборотом с подобной глагольной формой: *Стремясь субъективно к максимальным ощущениям - человек стремится объективно к максимальным действиям* (М. Веллер. Кассандра).

Зафиксированы случаи употребления глагольного предиката с семантикой воздействия на субъект действия: *И, обращаясь ко мне с твоим настойчивым «Успокойся»..., ты одновременно все больше и больше подпадала под обаяние собственного твоего успокоения* (А. Штейнберг. Дорогая моя Сонюрочка. Письма к покойной жене // Новый мир. № 1. 2006).

Не типичным является употребление глаголов состояния и бытия: *Они просыпались в двенадцатом часу, подолгу валялись в постели, слушая музыкальные передачи* (А. Ланщиков. Ищу собеседника). *Он спал, сидя в кресле, и проспал подряд несколько часов* (А. Gladkov. Попутные записки // Новый мир. № 11. 2006).

Единичны случаи употребления глагольной лексики в функции предиката с возвратным местоимением себя: *Выклянчивая что-нибудь, он вел себя часто как беспардонный нищий* (С. Айдинян. Книга заветных имен // Новый мир. № 4. 2006).

В отличие от частого употребления предикатов-сказуемых в грамматических формах настоящего и прошедшего времени, употребление предикатов в форме будущего простого времени является не распространенным. Например: *Встречая с мокрой улицей рассвет, встряхнусь и запою, подобно птице* (П. Родичев. Ничто не ново под луной).

Иногда возможно преобразование осложненного предложения в простое предложение с предложно-падежной конструкцией, а последнюю можно трансформировать в сложное предложение со значением времени. Тогда предложный детерминант может имплицировать не только предикативный признак, но субъектно-предикативные отношения пропозиции в целом [Малашенко 1989: 22-23]. Например: *В 1929 году Сталин, приступая к коллективизации, утверждает Академию сельскохозяйственных наук...* (А. Ланщиков. Ищу собеседника) = *В 1929 году Сталин, во время коллективизации, утверждает Академию сельскохозяйственных наук...* = *В 1929 году Сталин, когда он проводил коллективизацию, утверждает академию сельскохозяйственных наук...*

Такие трансформации Г. Н. Манаенко определяет как предложения со свернутой пропозицией [Манаенко 2003: 142-145].

Таким образом, при описании одновременности действий в высказываниях функционируют глагольные предикаты разной лексико-семантической принадлежности и разного морфемного состава. Частотность их употребления варьируется.

Наиболее активным является употребление сказуемых, представленных глаголами движения. Это обусловлено видо-временными парадигмами предикатов, активно представленных как формами настоящего и прошедшего времени, так и непродуктивным употреблением в форме будущего простого времени. При характеристике одновременных действий продуктивно употребление предикатов в форме совершенного вида.

Особое место занимают двувидовые глаголы-предикаты. Их видовая прилежность зависит от полупредикативной конструкции в роли темпорального распространителя, активизирующей в значении глагольного предиката сему завершенности, выраженную формой совершенного вида. Подобные темпоральные конкретизаторы представляет собой конструкцию, которая не только может распространять предикативную основу предложения, обозначать дополнительное действие, но и сама способна подчинять себе конкретизаторы с временной семантикой, представленные придаточными детерминантными предложениями. Но такая активная позиция не свойственна конструкциям с дополнительной предикативностью.

В предложениях с полупредикативными конструкциями вторые могут быть трансформированы в придаточные предложения с семантикой времени или в конструкции со свернутой предикацией.

Список использованной литературы

1. Арбатский Д. И. О лексическом значении деепричастий // Вопросы языкознания. - 1980. - № 4. - С. 108-118.
2. Золотова Г. А. Монопредикативность и полипредикативность в русском синтаксисе // Вопросы языкознания. - 1995. - № 2. - С. 99-109.
3. Малашенко В. П. Детерминантные предложения как единицы с осложненной структурой // Единицы синтаксиса в функционально аспекте: Межвузовский сборник научных трудов. - Ростов-на-Дону: РГПИ, 1989. - 140 с.
4. Манаенко Г. Н. Осложненное предложение в языке и речи. Очерки по теории и методологии исследования. - Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета, 2003. - 254 с.
5. Прияткина А. Ф. Русский язык: синтаксис осложненного предложения. - М.: Высшая школа, 1990. - 175 с.

6. Савина В. М. О синтаксической семантике деепричастия // Современный синтаксис: предложение и его членение: Межвузовский сборник научных трудов. - Владимир: ВГПУ, 1994. - 86 с.

7. Храковский В. С. Таксис // Третья зимняя типологическая школа: Международная школа по лингвистической типологии и антропологии. - М., 2002. - 304 с.

8. Чиркун Г. Н. Модальные значения деепричастия // Системный анализ значимых единиц русского языка. Синтаксические структуры: Межвузовский сборник. - Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1984. - 152 с.

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КАК ПОИСК ЭКВИВАЛЕНТНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НАЗВАНИЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ МИРОВОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, ФРАНЦУЗСКОГО, АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)

Донченко Ю. И., Черноситова Т. Л.
Южный федеральный университет

При переводе с одного языка на другой происходит множество переводческих преобразований, причина которых, чаще всего, кроется в присущем каждому языку видению мира и, соответственно, языковой избирательности. Помимо этого, причиной переводческих преобразований могут служить и внутренние языковые факторы, такие как сочетаемость и коммуникативная структура высказываний. Основная цель работы - выявление лексической эквивалентности при переводе названий произведений мировой классической литературы.

Какими бы противоречивыми ни были требования, предъявляемые к переводу, нельзя не признать, что перевод является целенаправленной деятельностью, отвечающей определенным оценочным критериям. Одним из требований, издавна выдвигаемых теорией и практикой переводческой деятельности, является требование эквивалентности текстов - исходного и конечного, что, по мнению большинства теоретиков, считается одной из наиболее важных онтологических черт перевода.

По мнению В. Н. Комиссарова, понятие эквивалентности «раскрывает важнейшую особенность перевода и является одним из центральных понятий современного переводоведения» [Комиссаров 2001: 134].

Подобно тому, как различные определения перевода соответствовали различным этапам развития переводоведения, различные понимания эквивалентности отражали эволюции взглядов на саму сущность перевода.

Наиболее точным нам представляется определение эквивалентности, данное В. С. Виноградовым, который полагает, что под эквивалентностью в теории перевода «следует понимать сохранение относительного равенства содержательной, смысловой, семантической, стилистической и функционально-коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и переводе» [Виноградов 2004: 19]. При этом автор подчеркивает, что эквивалентность оригинала и перевода - это, прежде всего общность понимания содержащейся в тексте информации, включая и ту, которая воздействует не только на разум, но и на чувства реципиента и которая не только эксплицитно выражена в тексте, но и имплицитно отнесена к подтексту.

Материалом исследования послужили 327 русских, французских, английских и немецких названий произведений мировой классической литературы, выделенные методом сплошной выборки.

Попытка выстроить типологию эквивалентности, найти те ступени, которые ведут от минимально возможной к максимальной эквивалентности, а также установить объективную, обоснованную границу, отделяющую перевод от «неперевода», и приводит к теории уровней эквивалентности.

Наиболее известные теории уровней эквивалентности строятся на семиотических основаниях, точнее, на выделенных семиотикой трех типах отношений знака - прагматическом, семантическом и синтаксическом.

Изначально для анализа эквивалентности при трансляции названий художественных произведений нами в качестве базовой была выбрана модель уровней эквивалентности, разработанная В. Г. Гак на основе семантических отношений, устанавливаемых между знаками (языковые формы), понятиями (значения) и денотатами (внеязыковые ситуации) [Гак 1997: 10].

Общность (инвариант) эквивалентов, которыми пользуется переводчик при переводе, может устанавливаться на различных уровнях и заключаться либо в подобии языковых форм, либо в общности значений при формальном расхождении языковых средств, либо в общности описываемой ситуации. Так, В. Г. Гак предлагает три модели перевода: 1) формальную, 2) смысловую и 3) ситуационную.

Многие исследователи полагают, что наиболее эквивалентным может считаться контекстуальный перевод, который позволяет точно передать в названии заложенный автором смысл. В практике перевода нередки случаи, исключающие использование словарного эквивалента и тем самым вынуждающие переводчика прибегнуть к эквивалентам контекстуальным. Однако наиболее часто переводчик сталкивается с необходимостью выбора между различными вариантами в зависимости от контекстуального значения слова.

В качестве примера рассмотрим перевод названия произведения Ф. М. Достоевского «Записки из мертвого дома». В отличие от немецкого варианта перевода, где одни лексические единицы заменяются другими, равноценными по значению («Aufzeichnungen aus einem Totenhaus»), во французском варианте (мы можем наблюдать изменения на семантическом уровне. Так, вместо французского «notes» («записки»), автор перевода предпочел «souvenirs» («воспоминания») - «Souvenirs de la maison des morts».

В английском языке представлено два перевода: